

ЯЗЫК, КУЛЬТУРА, ОБЩЕСТВО

УДК 811.111-26

doi 10.17072/2073-6681-2024-4-5-16

<https://elibrary.ru/zhbsbe>

EDN ZHBSBE

Прагматический аспект функционирования аллюзивного антропонима в художественном тексте**Ананьина Марина Александровна****к. филол. н., доцент кафедры германской филологии**Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина
620000, Россия, г. Екатеринбург, просп. Ленина, 51. AnaninaMA@yandex.ru

SPIN-код: 8172-6078

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6233-5311>*Статья поступила в редакцию 04.03.2024**Одобрена после рецензирования 15.05.2024**Принята к публикации 02.09.2024***Информация для цитирования***Ананьина М. А. Прагматический аспект функционирования аллюзивного антропонима в художественном тексте // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2024. Т. 16, вып. 4. С. 5–16. doi 10.17072/2073-6681-2024-4-5-16. EDN ZHBSBE*

Аннотация. Статья посвящена изучению прагматического аспекта функционирования аллюзивных антропонимов в художественном тексте на материале романа D. Tartt “The Secret History” / Д. Тартт «Тайная история» (Tartt, 1992). Цель работы состоит в анализе прагматического потенциала аллюзивных антропонимов, который заключается в выполнении данными единицами ряда функций в исследуемом художественном тексте и оказании его экспрессивного воздействия на адресата. Аллюзивный антропоним понимается как единица, обладающая ассоциативно-коннотативной семантикой. В статье делается обзор основных направлений в анализе семантики антропонимов, автор приходит к выводу о многоплановости данных знаков, которые обладают богатым культурно-историческим потенциалом, участвуют в организации композиционно-тематической структуры текста, в создании экспрессивности повествования, характеристики персонажей и выполняют ряд других важных функций. Структура значения данной единицы имеет денотативные, сигнификативные и прагматические особенности. Прагматические семы способствуют реализации прагматического потенциала имени в связи с воздействием ситуации повествования на адресата текста. Опираясь на имеющиеся в лингвистике классификации функций аллюзивных антропонимов, автор выделяет такие функции, как номинативная, функция создания иллюзии реальности, функция характеристики, оценочная, функция выделения и группировки персонажей, перспективации, мифологизации, эстетическая функция, функция создания концепта произведения, повышения информативности, усиления экспрессивности и функционально-смыслового развертывания текста.

Анализ функций аллюзивных антропонимов в романе D. Tartt показал преобладание функции усиления экспрессивности, характеристики персонажа / места действия и выражения оценочности. Далее по убыванию значимости и частотности располагаются функция смыслового развертывания, функция создания текстового концепта, эстетическая функция, функция создания иллюзии реальности и функция перспективации. Выполнение аллюзивными именами широкого диапазона функций свидетельствует о важности данных единиц в художественном тексте, их участии в реализации смысла текста, его интерпретации, создании образности.

Ключевые слова: аллюзивный антропоним; функция; прагматика; художественный текст; Донна Тартт; «Тайная история».

Введение

Изучение функционирования онимов в художественном тексте на современном этапе развития лингвистики, ориентированной на средства отражения человеческого мышления в языке, является актуальным, поскольку выбор аллюзивного антропонима и реализация его значения и ассоциативного потенциала определяются человеческим фактором – выбором автора текста. Как отмечает Р. Ю. Шебалов, в литературной ономастике различают два направления анализа онимов: подход с позиций историко-литературного контекста появления первичного значения имени, образно-эстетической установки и лингвостилистический подход, описывающий основные лингвистические и стилистические параметры литературных имен собственных и способы достижения стилистического эффекта автором [Шебалов 2004: 5]. В последнее время значительное внимание уделяется лингвокогнитивному подходу при рассмотрении функционирования литературных антропонимов. Кроме того, активно проводятся исследования прагматического аспекта литературных онимов.

Методы и материал исследования

Понимание художественного текста и функционирования в нем языковых единиц основано на структурно-системном и семиотическом методе, отраженном в работах И. В. Арнольд, Л. Г. Бабенко, И. Р. Гальперина, М. М. Гиршмана, Н. А. Купиной, Ю. М. Лотмана и других ученых. Аллюзивный антропоним как интертекстуальная единица имеет ряд закономерностей, связанных с передачей культурно-исторической информации и ее актуализацией в тексте. Данные идеи находят отражение в работах И. В. Гюббенет, Н. Е. Камовниковой, Н. А. Кузьминой, Т. М. Наумовой, О. А. Постниковой и других.

Материалом послужил англоязычный текст романа Д. Тартт «Тайная история». Отбор эмпирического материала осуществлялся методом сплошной выборки, анализ материала выполнялся на основе индуктивных и дедуктивных методов исследования.

Обсуждение результатов

В науке принято понимание особенностей антропонима как единицы, обладающей ассоциативно-коннотативной семантикой. Данный факт подчеркивается в определении Р. Ю. Шебалова, согласно которому «антропоним выступает как знак, “отягощенный” этносоциокультурной маркированностью и, соответственно, несущий ин-

формацию о потенциальном носителе имени, что оказывается стимулом для использования ассоциативной (коннотативной) семантики онома в характерологических целях» [там же: 3]. Каждое имя, функционирующее как лингвокультурная единица, реализует социальный или этнокультурный стереотип, носящий ассоциативный характер, отражающий устойчивые представления адресанта о способах употребления данной единицы [там же: 13]. Ассоциации имени могут сигнализировать о социальных или национально-специфических чертах носителя имени. А. А. Фомин называет их эталонами, представляющими собой «объекты культурного пространства, к которому производит отсылку прецедентное имя» [Фомин 2003: 140]. Способность понять ассоциативный потенциал, не лежащий на поверхности, является неотъемлемой чертой успешной коммуникации с носителями разных языков и культур в рамках теории лингвокультурной грамотности Э. Д. Хирша [Hirsch 1987].

Среди мнений авторов классических зарубежных работ можно выделить позицию Дж. Милля, согласно которой имя собственное лишено значения, оно представляет собой метку, в то же время ученый выделяет неконнотирующие общие и коннотирующие имена [Mill 1970]. Противоположную точку зрения высказывает А. Гардинер, который выделял «воплощенные» и «развоплощенные» собственные имена [Gardiner 1954]. Воплощенные имена прикреплены к определенным лицам и местностям, а развоплощенные не имеют таких коннотаций и ассоциативного фона.

Помимо богатого ассоциативного потенциала аллюзивные антропонимы обладают способностью участвовать в организации композиционно-тематической структуры текста [Носкова 2020: 4]. А. И. Носкова также отмечает, что имена собственные служат основой для формирования темы как фрагмента текста, называемого исследователем диктемой, так и всего текста в целом. Вслед за Е. Л. Березович, М. В. Голомидовой, А. И. Носкова выделяет такие компоненты семантической структуры имени собственного, как общая категориальная семантика, частная категориальная семантика, частная характеризующая и индивидуализирующая семантика, эмотивный компонент, фреймовый компонент и компонент коннотаций [Голомидова 1998; Березович 2007; Носкова 2020: 29]. Первые три компонента отражают сигнификативные и денотативные особенности семантической структуры имени соб-

ственного, а последние три компонента составляют прагматические особенности имени [Березович 2007: 51–54].

Вслед за А. А. Чернобровом, М. А. Захаровой, Ю. А. Блиновой, О. А. Постникова берет за основу рассмотрения структуры значения антропонима теорию лексического значения М. В. Никитина [Постникова 2009: 40]. В структуре значения выделяется интенционал, или ядро лексического значения, и импликационал – периферийные семантические признаки, окружающие ядро. Интенционал содержит информацию о том, что носитель имени – человек, указывает на национально-языковую и гендерную принадлежность. Импликационал включает ассоциативные и оценочные семы, которые могут варьироваться в контекстах. Он может быть сильным, слабым (свободным) и отрицательным [там же: 41]. Данный тип информации включает коннотативные, экспрессивные и символические семы. Мы можем сделать вывод о том, что в целом исследователи выделяют совокупность денотативных, сигнификативных признаков в значении имени собственного и разновидности значения, включающие ассоциации, коннотации, то есть вероятностное количество фоновой информации. Семантические особенности аллюзивного антропонима определяют специфику их функционирования в художественном тексте. В данном случае на первый план выступают прагматические особенности и семы в значении имени собственного. О. А. Постникова следует за положениями, выдвинутыми А. А. Чернобровом в связи с изучением прагматических целей введения имени собственного в текст. К ним относятся эффект реальности, эффект присутствия, свертывание информации, намек на социально-имущественный статус, эстетическая цель, интеллектуальная цель [там же: 57].

Прагматика представляет собой науку о функционировании языковых знаков в речи (БЭС. Языкознание 1998: 389). Прагматическая функция изучается в аспекте субъекта речи, воздействия высказывания на адресата речи, а также в связи с отношениями между участниками коммуникации и в связи с ситуацией общения (там же: 390). О. А. Бирюкова проводит анализ употребления литературных онимов в художественном тексте с точки зрения их способности воздействовать на адресата, вызывая у него эмоции, волевые побуждения, оценки ситуаций. По мнению ученого, полифункциональный эффект обусловлен наличием у имени логико-семантического (концептуального) и прагматического (ассоциативного) значения [Бирюкова 2012: 163].

А. И. Носкова считает, что функции антропонима могут быть рассмотрены только в контек-

сте диктеты, где антропонимы выполняют репрезентативно-характеризующую, эстетическую, культурно-историческую и концептуально-символическую функции [Носкова 2020: 53]. Таким образом, имя личное участвует в решении коммуникативной задачи автора текста, играет значимую роль в формировании структурно-тематического содержания художественного текста и отражает информативный, композиционный, лексико-грамматический, прагматический, эмоционально-экспрессивный и эстетический аспекты текста [там же: 45]. Существует мнение, что литературные онимы раскрывают свой потенциал благодаря контексту произведения, они вступают в различные связи с другими элементами текста, как синтагматические, так и парадигматические, представляя собой, по определению В. И. Супруна, «текстовую ось» [Кочнева 2022: 30].

По мнению В. М. Калинкина, Н. В. Васильевой, вопрос о функциях литературных онимов является наиболее разработанным в ономастике [Васильева 2009: 130]. Однако он далек от окончательного решения. Стоит отметить, что предметом рассмотрения в данной работе являются классификации функций антропонимов применительно к художественным текстам. Одной из тщательно проработанных является классификация Дитера Лампинга, учитывающая три аспекта повествования: нарративные стратегии с ключевой ролью нарратора; эстетический аспект как возможность вызвать в читателе эстетическое переживание; тематический аспект как способность нарратива быть носителем определенного содержания и идеи [Lamping 1983; Васильева 2009: 131]. Д. Лампинг выделяет семь функций собственных имен в художественном тексте: идентификация персонажа/места; создание и поддержание иллюзии подлинности мира повествования; характеристика персонажей/места; выделение и группировка персонажей; участие в создании перспективы повествования; эстетическая функция; функция мифологизации [Васильева 2009: 132].

Данная классификация была дополнена Е. Ф. Исаевой и Н. В. Васильевой такими функциями, как паспортная, функция накопления и хранения информации, контактоустанавливающая и контакторазрушающая [Носкова 2020: 44]. По мнению А. И. Носковой, имена собственные выполняют функцию номинации, идентификации и дифференциации [там же: 31]. Данные функции типичны для онимов и выделяются большинством исследователей. Е. А. Белозерова считает, что собственные имена выполняют такие функции, как характеризующая, пространственно-временная, сравнительно-описательная

и символическая, устанавливающая связи с конкретным социально-культурным сообществом [Белозерова 2008: 60–70]. А. И. Носкова выделяет несколько сходные функции: репрезентативно-характеризующую, функцию эстетического изображения и концептуально-символическую функцию собственных имен [Носкова 2020: 120–165].

С. М. Пак отмечает такие функции антропонимов, как индивидуализирующая, функция социальной демаркации, функция организации дискурса и экспрессивная функция [Пак 2005: 118]. По сравнению с вышеприведенными классификациями в ней отдельно учитывается функция социального маркирования и подчеркивается роль антропонима в структурировании дискурса. С. М. Пак указывает на особую роль онимов в дискурсе, когда их функционирование не ограничивается созданием «местной» выразительности, а поднимается до метасемиотического уровня, на котором оним начинает выполнять лингво-поэтическую функцию [там же: 280]. Близкий набор функций аллюзивных антропонимов в художественном тексте находим в работе Ю. А. Нестеренко, в которой автор выделяет местоименную, идеологическую, эстетическую, статусную и эмоционально-оценочную функции [Нестеренко 2023: 126]. В исследовании С. Р. Макеровой отмечаются языковые функции аллюзивных имен, а также функции данных единиц в художественном тексте. Последние включают характеризующую социально-идеологизирующую функцию, функцию создания иронической модальности текста, а также функцию создания и передачи эмоций читателю [Макерова 2014: 113–114]. В целом данные функции соотносятся с теми, что приведены выше. Функция создания иронической модальности является значимой, но, возможно, выступает одной из функций аллюзивных антропонимов в реализации различных текстовых категорий, таких как когезия, когерентность, целостность, информативность и других, и требует отдельного рассмотрения. Исследование особенностей реализации категорий когерентности, когезии, импликации в художественном тексте изложены в ряде работ [Ананьина 2014; Ананьина 2018].

Прагматический аспект изучения функционирования аллюзивных антропонимов включает анализ прагматических сем в структуре значения онима. Исследователи называют этот компонент коннотативным потенциалом онима (Е. С. Отин, М. А. Стешенко), эмоциональными наслоениями (Д. Н. Шмелев), прагматическим содержанием, которое включает оценочные значения и культурные ассоциации (О. С. Ахманова) [Стешенко 2020: 24]. Аллюзивные имена, по мнению О. И. Фонаковой, обладают качеством сугге-

стивности, способностью накапливать коннотации и семантические компоненты, ассоциации [Кочнева 2022: 55]. Таким образом, прагматическая функция аллюзивного антропонима может рассматриваться в динамическом аспекте. С другой стороны, изменчивость прагматического потенциала, как отмечает Р. Ю. Шебалов, приводит к возможности писателя/говорящего моделировать ассоциативную картину имени собственного [Шебалов 2004: 56; Кочнева 2022: 55]. Важную роль в формировании ассоциативного шлейфа аллюзивного антропонима в художественном тексте играют контекст и совокупность иных разнородных средств [Ражина 2007: 23–24]. Прагматика, по мнению Е. Ю. Рубцовой, более динамична, чем семантика, более тесно связана с национально-культурными изменениями [Рубцова 2006: 6]. Хотя в этой динамичности и влиянии контекста есть и другая сторона. Г. Г. Хазагеров считает, что использование коннотативных имен, таких как Отелло – для обозначения ревнивого человека, приводит к созданию заведомо упрощенного образа, то есть происходит сужение значения, обеднение ассоциативного фона, что, однако, не мешает продуктивному общению между людьми [Хазагеров 2002]. С одной стороны, контекст способствует обогащению и семантическому, часто неожиданному, приросту, если актуализируется не совсем типичный признак. С другой стороны, невозможно реализовать в контексте всю совокупность признаков, связанных с тем или иным аллюзивным именем, поэтому есть ограничения многообразия используемой информации.

Е. Ю. Рубцова отмечает, что имена собственные прагматичны по определению, поскольку они обладают семой единичности, которая носит семантико-прагматический характер [Рубцова 2006: 20–21]. Д. И. Руденко также указывает на тот факт, что собственные, или единичные, имена не обладают развитым обобщающим и общим для различных носителей языка значением и ориентированы на отнесенность к одному объекту [Руденко 1990: 219].

Собственное имя обладает силой убеждения, не случайно многие исторические процессы характеризуются сменой наименований и способствуют возрождению или созданию новых, подчас идеологизированных имен (Трактор, Эра, Владлен). Подобное отношение к имени характерно и для христианской традиции. По мнению Е. Ю. Рубцовой, антропонимы выполняют фатическую, игровую и прагматическую функции [Рубцова 2006: 65–99].

Функциональные свойства имен в аспекте прагматики рассматриваются в связи с понятиями ономастической информации, коннотаций, фоновой информации, подтекста, импликации,

энциклопедических знаний читателя, когнитивных особенностей и структуры концепта, а также стилистической функции имен.

Прагматические функции имени собственных, согласно типологии функций О. А. Бирюковой, включают взаимодействие четырех компонентов: 1) автора текста; 2) содержания текста; 3) реципиента и 4) внетекстовой информации, транслируемой посредством собственного имени [Бирюкова 2012: 163]. Активизация функций происходит только при взаимодействии всех элементов прагматической структуры.

Согласно классификации О. А. Бирюковой, можно выделить восемь функций имен собственных в художественном тексте, а именно: функцию номинации-идентификации, функцию создания концепта произведения, функцию повышения информативности текста, функцию формирования подтекста, усиления экспрессивности текста, оценочную функцию, функцию формирования интертекстуальности, функцию стимулирования когнитивной деятельности реципиента [там же: 164–166].

Опираясь на приведенные выше классификации, мы, вслед за Н. В. Васильевой, придерживаемся классификации Д. Лампинга как одной из самых эффективных, работающих на материале разных дискурсов [Lamping 1983; Васильева 2009: 131–132], в том числе в художественных текстах, дополнив ее функциями, выделяемыми О. А. Бирюковой, как прагматически ориентированными. Таким образом, приходим к выводу о том, что собственные имена, включая аллюзивные антропонимы, могут выполнять такие функции в художественном тексте, как:

- функция номинации-идентификации;
- функция создания иллюзии реальности;
- функция характеристики персонажа / места действия;
- функция оценочности;
- функция выделения и группировки персонажей;
- функция перспективации, формирования точки зрения, типов речи;
- эстетическая функция;
- функция мифологизации;
- функция создания концепта произведения;
- функция повышения информативности художественного текста;
- функция усиления экспрессивности художественного текста;
- функция функционально-смыслового развертывания (диалог с автором изречения, противопоставление обобщенного/конкретизированного, генерализация, кода, резюме).

Теоретические выводы были дополнены практическим анализом функционирования ал-

люзивных антропонимов в романе D. Tartt “The Secret History” / Д. Тартт «Тайная история». Функционирование аллюзивных антропонимов в художественном тексте изучается нами в связи с содержанием высказывания (художественного текста) и воздействием высказывания на адресата речи. Изучение прагматических аспектов субъекта речи и отношений между участниками коммуникации не представляется возможным с достаточной долей достоверности, поскольку эти отношения не наблюдаемы. Данный подход осуществляется с позиции читателя, исследователя, критика с опорой на конкретный языковой материал. В исследуемом романе мы отобрали методом сплошной выборки 60 примеров использования аллюзивных антропонимов в первичной функции, в функции предикатива и во вторичной функции, каждый контекст анализировался с точки зрения выполняемой аллюзивной единицей функции в художественном тексте.

Нами были проанализированы контексты функционирования 59 аллюзивных антропонимов. Поскольку аллюзивный антропоним обладает различными коннотациями, по-разному взаимодействует с контекстом, то каждой единице может быть присуще выполнение более чем одной функции по отношению к читателю, к текстовому развертыванию информации, к выражению эмоций и экспрессивности.

Результаты исследования показывают, что самой широко представленной и наиболее распространенной является функция усиления экспрессивности высказывания, отрывка и всего текста в целом. На наш взгляд, данная функция является естественной для аллюзивного антропонима, поскольку привлечение культурно-исторической информации, а также образность, присущая данному знаку, неизбежно приводят к экспликации данных особенностей в художественном тексте. Рассмотрим пример из романа: A thick fog lay in the valley below, a smothering cauldron of white from which only the treetops protruded, stark and **Dantesque** (Tartt 1992: 380). – Внизу стоял густой туман, и долина была похожа на огромный дымящийся котел, из которого, как головы грешников, торчали макушки деревьев (Тартт 2015: 368). Отрывок содержит описание поисков пропавшего друга учащихся элитной школы Хэмпден Банни. На самом деле он был убит своими так называемыми друзьями, которые знали, где тело Банни, но, естественно, хранили молчание. Студенты совершили большой грех, который не мог не оставить следа по крайней мере в сознании повествователя, одного из соучастников преступления, который прибегает к экспрессивно окрашенному, мрачному образу

Данте, а точнее, к созданным поэтом образам грешников. Имя Данте используется в Словаре аллюзий в связи с тремя концептами “Horror, writers”, “Lovers” (in a phrase “Dante and Beatrice”) и “Unpleasant and wicked places” (in a phrase “Dante’s Inferno”) (The Oxford Dictionary of Allusions 2003: 430). В данном контексте получает воплощение концепт “Unpleasant and wicked places”: “The term refers to the part of Dante’s epic poem *The Divine Comedy* (c. 1309–20) that depicts the poet’s journey through Hell. Any hell-like vision or scene can be described as being like Dante’s Inferno” (ibid.: 398). Мы считаем, что английский текст обладает большей выразительностью по сравнению с русским переводом, поскольку имя Данте в переводе, к сожалению, опущено и выбран описательный перевод. Интересно, что данный аллюзивный антропоним используется в романе несколько раз, подчеркивая тему греха, греховности, овладевшей главным героем Ричардом: The music was insanely loud and people were dancing and there was beer puddled on the floor and a rowdy mob at the bar. I couldn’t see much but a **Dantesque** mass of bodies on the dance floor and a cloud of smoke hovering near the ceiling, but I could see, where light from the corridor spilled into the darkness, an upturned glass here, a wide lipsticked laughing mouth there (Tartt 1992: 80). – Музыка безумно грохотала, вокруг танцевали, на полу блестели лужи пива, у стойки бара творилось смертоубийство. Не было видно ничего, кроме **Дантова** сплетения тел и клубов дыма под потолком, но там, куда падал луч света из коридора, можно было различить то перевернутый стакан, то ярко покрашенный, искаженный хохотом рот (Тартт 2015: 87). Данная ситуация ночной вечеринки также ассоциируется для Ричарда с картиной ада, греха, о чем свидетельствуют слова rowdy, a cloud of smoke, mass of bodies, spilled into the darkness, laughing mouth. Перед читателем рисуется картина вакханалии, пьяного пира, на котором образы участников имеют такие же неясные очертания, как грешники у Данте. Использование имени способствует приращению ассоциативного фона отрывка, картина становится наглядной и оставляет яркий отпечаток в сознании читателя. Данный аллюзивный антропоним также выполняет функцию создания концепта художественного текста, именно благодаря его повторяемости, образности, связи с образными представлениями Данте – с одной стороны и мысленным обдумыванием и интерпретацией происходящих событий главным героем – с другой происходит формирование мысленного образа греховности, греха, который обретает форму текстового концепта как мысленного феномена, вбирающего в себя представления персонажа и

автора. Тема смерти, убийства является одной из центральных в романе, она включает внешние атрибуты греховности и связи с грехом, такие как образы полутьмы, тумана, неясные очертания тел, смеющийся рот, суровые вершины деревьев, снег и холод. Главный герой романа на подсознательном уровне также испытывает если не угрызения совести, то страх перед неумолимостью и суровостью наказания за совершенный грех. Поскольку полиция не раскрыла убийства и не нашла настоящих убийц в лице друзей убитого, в сознании героя образы ада Данте свидетельствуют о его страхе перед неизвестностью, которая должна ожидать его за пределами земной жизни. Мы считаем, что это текстовый концепт, поскольку он многопланов, он включает такие компоненты, как УБИЙСТВО – ГРЕХ – НАКАЗАНИЕ. Он реализуется посредством множества сцен, эпизодов и размышлений героя. Одним из компонентов концепта является когнитивный потенциал аллюзивного имени Данте (Dantesque). Кроме того, это случай функционального синкретизма, и данное имя выполняет эстетическую функцию, участвуя в создании страшной, но в то же время красивой по своей суровости и торжественности картине молчаливого оврага с телом Банни, покрытого снегом.

Второй значимой функцией является характеристика персонажа и/или места действия. Характеристика персонажа в основном имеет место в описательных частях текста, в речи автора или главного героя. Особенностью реализации данной функции является описание того, как видит отправитель персонажа. Несмотря на то что эта функция близка экспрессивной и является второй по частотности реализации, она в большей степени ориентирована на сознание образа героя или обстоятельств действия, также выделяя детали и характерные особенности персонажа, делая их более выпуклыми. Рассмотрим пример: Francis, barefoot and still in his bathrobe, stepped precariously over rocks and branches, balancing his glass of ginger ale. Once we got to the lake he waded in, up to his knees, and beckoned dramatically like **Saint John the Baptist** (Tartt 1992: 106). – Фрэнсис, отправившийся на прогулку босиком и в халате, осторожно перешагивал через камни и ветки, стараясь не расплескать пиво. Когда мы пришли на берег, он зашел в воду по колени и, воздев руки, как **Иоанн Креститель**, позвал нас к себе (Тартт 2015: 112). Имя St John the Baptist является библейским по происхождению. Согласно словарю Brewer’s Concise Dictionary of Phrase and Fable: St. John the Baptist was “the forerunner of Jesus, who was sent “to prepare the way for the Lord” [Brewer’s Concise Dictionary of

Phrase and Fable 2000: 559]. С одной стороны, в контексте реализуется экспрессивная функция, усиливающая образную, отчасти ироническую, картину выпившего Фрэнсиса, зовущего к воде друзей. Читателю представляется, что весь образ Фрэнсиса противоречив и фальшив, за внешней красотой и приятностью манер скрывается бездушный человек, далекий об Бога, так же, как и Ричард, который описывает свое видение этой сцены. В контексте чувствуется насмешка над поведением героя. Это имя выполняет характеризующую функцию, благодаря которой подчеркивается отсутствие четких морально-нравственных принципов у персонажей, ведь ирония заключается именно в несоответствии их поступков и поведения образу предшественника Христа. Немного ниже по тексту читатель вновь сталкивается с религиозной темой, на этот раз с образом-воплощением зла: Henry and Francis were further out: Francis talking, gesticulating wildly in his white robe and Henry with his hands clasped behind his back, **Satan** listening patiently to the rantings of some desert prophet (Tartt 1992: 106). – Генри и Фрэнсис ушли далеко вперед. Облаченный в белый халат Фрэнсис о чем-то говорил и бурно жестикулировал, а Генри, сложив руки за спиной, спокойно возвышался рядом – **Сатана**, терпеливо выслушивающий страстные прорицания безумного отшельника (Тартт 2015: 113). В этом примере, который логически следует за изложенным выше отрывком, образ Генри уподобляется Сатане. С одной стороны, в своем воображении Ричард рисует ироничную картину беседы двух друзей. С другой стороны, такой ракурс видения данной темы не является случайным. Ведь именно Генри стал идейным вдохновителем и реализатором убийства их общего друга Банни. Данное имя выполняет характеризующую функцию, высвечивая оттенки в понимании образа Генри Ричардом, поскольку в тексте встречаются имена, выражающие уважение Ричарда к уму Генри, восхищение работоспособностью и талантом Генри, его проницательностью и начитанностью. Но, как мы видим из контекста, один лишь ум, не подкрепленный должным нравственным основанием, может творить зло расчетливо, по убеждению, не испытывая угрызений совести, что вызывает страх и ужас.

Другой важной функцией, тесно связанной с приведенными выше, является функция оценочности: Henry gave him a filthy look. ‘Calm,’ he said. ‘I don’t know where you get all these **Dostoyevsky** sorts of ideas’ (Tartt 1992: 348). – Генри взглянул на него с ядовитым скепсисом: – Успокойся. И где ты только набрался этой **достоевщины**? (Тартт 2015: 338). Используя аллюзивное

имя, автор или персонаж может прибегать к оценке ситуации или действий других персонажей. Данная функция проявляется по-разному, субъективно, в зависимости от взглядов и оценки референта имени. Пример интересен тем, что имя великого русского писателя используется в контексте отрицательной оценки. Психологизм произведений Ф. М. Достоевского общеизвестен, однако подобное пренебрежительное отношение, которое в переводе передается посредством деривата «достоевщина», свидетельствует о неприятии Генри данного аспекта творчества, что является частным случаем, поскольку о вкусах не спорят.

Прагматической функцией в аспекте отношения к содержанию высказывания/текста служит такая функция аллюзивных имен, как участие в функционально-смысловом развертывании текста, которое выражается в том, что имя способствует реализации категорий обобщенное/конкретизированное, тезис/аргументация/раскрытие, выступает в функции коды и резюме суждений. Например, рассмотрим отрывок: He was looking over the hills, at all that grand cinematic expanse of men and wilderness and snow that lay beneath us; and though his voice was anxious there was a strange dreamy look on his face. The business had upset him, that I knew, but I also knew that there was something about the operatic sweep of the search which could not fail to appeal to him and that he was pleased, however obscurely, with the aesthetics of the thing. Henry saw it, too. ‘Like something from **Tolstoy**, isn’t it? He remarked’ (Tartt 1992: 382). – Взгляд его был устремлен на величественную панораму заснеженной глуши с разбросанными тут и там крошечными фигурками людей, и хотя в голосе его звучала тревога, на лице проступало что-то едва ли не мечтательное. Исчезновение Банни сильно огорчило его, это было очевидно, однако видел я и то, что размах поисков, их почти оперная зрелищность ему по душе и эстетика происходящего доставляет ему – уж не знаю насколько осознанное – удовольствие (Тартт 2015: 370). К сожалению, аллюзивное имя не сохранено в переводе. Учитель расстроен тем, что пропал его ученик, но в самой процедуре поисков, их зрелищности ему видится что-то прекрасное. В отрывке на английском языке неясные обобщенные описания панорамы поисков, мечтательного выражения лица Джулиана, снега и дикой природы сменяются высказыванием Генри, который пытается в одном конкретном слове выразить это чувство и находит для этого имя русского писателя – Tolstoy, метонимически связанное с его романами неким качеством произведений, возможно, имеется в виду эпохальность, панорамность описания военных сцен

или пейзажей. Данное соотношение содержания может быть рассмотрено в аспекте категорий обобщенного/конкретизированного как выражение общих, не имеющих конкретного выражения чувств, и своеобразной конкретизации в виде аллюзивной отсылки к текстам Л. Н. Толстого.

Функция создания иллюзии реальности находит выражение лишь в двух примерах в рассматриваемом тексте: This was, in fact, the basis of his acquaintance with most of the famous people in his life. **Osbert Sitwell**, in his diary, mentions **Julian Morrow's** sublime little fêtes, and there are similar references in the letters of people ranging from **Charles Laughton** to the Dutchess of Windsor to **Gertrude Stein**; **Cyril Connolly**, who was notorious for being a hard guest to please, told **Harold Acton** that Julian was the most gracious American that he had ever met – a double-edged compliment, admittedly – and **Sara Murphy**, no mean hostess herself, once wrote him pleading for his recipe for *sole véronique* (Tartt 1992: 268). – Собственно говоря, этому обстоятельству он и был обязан большей частью своих знакомств с выдающимися людьми того времени. **Осберт Ситуэлл** упоминает в своем дневнике “восхитительные миниатюрные fêtes” **Джулиана Морроу**. Подобные образы встречаются в письмах самых разных особ – от **Чарльза Лоутона** до герцогини Виндзорской и **Гертруды Стайн**. **Сирил Конноли** – гость, известный своей крайней привередливостью, – однажды заметил **Гарольду Актону**, что Джулиан – самый любезный американец из всех, которых ему доводилось встречать (двусмысленный комплимент, надо признать), а **Сара Мерфи**, чьи приемы никто не смог бы упрекнуть в недостатке изысканности и размаха, как-то написала Джулиану, умоляя прислать ей его рецепт *sole véronique* (Тартт 2015: 255–266). К данному отрывку приводится комментарий переводчика, поясняющий, что Чарльз Лоутон (1899–1962) – английский актер, с 1940 г. жил в США, а Уоллис Симпсон (1896–1986) была супругой Эдварда, герцога Виндзорского. Эдвард, коронованный под именем Эдуарда VIII, был вынужден оставить британский престол из-за намерения жениться на Уоллис, которая к тому времени проходила процедуру развода со своим вторым мужем. После бракосочетания в июне 1937 г. чета обосновалась во Франции, где на протяжении десятилетий занимала видное место в высших светских кругах; Гарольд Актон (1904–1994) был англо-итальянским писателем, ученым и знатоком искусств; Сара (1883–1975) и Джеральд (1888–1964) Мерфи – состоятельные американские экспатрианты. Переехав в начале века во Францию, в 20–30-х гг. они стали центром

широкого артистического круга – среди их друзей и гостей были Фицджеральд, Хемингуэй, Дон Пассос, Пикассо, Стравинский и многие другие писатели, художники и музыканты (там же: 366). Среди этой вереницы имен имя Джулиана Морроу – преподавателя греческого в частном колледже Хэмпдена – органично вписывается в контекст, создается иллюзия реальности повествования, как будто Джулиан был реальным историческим лицом, это повышает авторитетность повествования, что, безусловно, не снимает общей фикциональности, свойственной литературной ономастике и художественному тексту в целом [Васильева 2009: 136–137].

Функция перспективации связана с участием имен в создании перспективы повествования, возникающей проблемой точки зрения [там же: 140]. Данная функция может быть продемонстрирована на следующем примере: *Argentina*. What was in Argentina? Grasslands, horses, cowboys of some sort who wore flat-crowned hats with pom-poms hanging from the brim. **Borges**, the writer. **Butch Cassidy**, they said, had gone into hiding there, along with **Dr Mengele** and **Martin Bormann** and a score of less pleasant characters (Tartt 1992: 161). – Что такое Аргентина? Прерии, лошади, пастухи вроде ковбоев, в забавных плоских шляпах с помпонами. Танго. Писатель **Борхес**. Говорят, там скрывался **Бутч Кэссиди**, а также **доктор Менгеле**, **Мартин Борман** и другие малоприятные персонажи (Тартт 2015: 165). Автор перевода приводит комментарий к имени Б. Кэссиди: Бутч Кэссиди (настоящее имя Роберт Лерой Паркер, 1866–?) – легендарный американский бандит, главарь шайки, грабившей банки и поезда (там же). Ричард, рассказчик, размышляет о том, почему его друзья купили билеты в Аргентину, ничего ему не сказав. Возможно, у них есть какая-то тайна. Далее размышления переносятся в ментальные пространства имен известных личностей, связанных с Аргентиной, на ум приходит имя известного писателя, остальная масса имен связана с образами преступников, и постепенно мысли героя отчуждаются от красот Аргентины и переходят в плоскость возможных преступлений, совершенных друзьями. Имена преступников способствуют формированию точки зрения и перспективы видения Ричардом ситуации. Появляется отчужденность, внутреннее противоречие, и образ Аргентины приобретает неоднозначную трактовку в сознании героя.

Выводы

Таким образом, аллюзивные имена функционируют в прагматическом аспекте, участвуя в

выражении отношения автора/персонажей к ситуации общения, ситуации повествования, героям и их поступкам. В значении аллюзивного антропонима могут быть выделены прагматические семы, связанные с ассоциативной, фоновой информацией, которая также оказывает влияние на прагматический потенциал онимов. Среди проанализированных функций аллюзивных антропонимов в тексте романа D. Tartt «The Secret History» / Д. Тартт «Тайная история» доминируют функция усиления экспрессивности, функция характеристики персонажа или ситуации и функция оценочности. Далее по убыванию значимости и частотности располагаются функция смыслового развертывания, функция создания текстового концепта, эстетическая функция, функция создания иллюзии реальности и функция перспективации. Ряд функций носят языковой характер, они оказались не проявленными в рассматриваемом тексте. Среди таких функций можно назвать функцию номинации и идентификации, функцию выделения и группировки персонажей, функцию мифологизации, функцию повышения информативности художественного текста. Выполнение аллюзивными именами широкого диапазона функций свидетельствует о важности данных единиц в художественном тексте, их участии в реализации смысла текста, его интерпретации, создании образности. Аллюзивные антропонимы являются неотъемлемой частью создания и функционирования художественного текста.

Список источников

Tartt D. Тайная история: роман; пер. с англ. Д. Бородкина, Н. Ленцман. М.: АСТ: Corpus, 2015. 590 с.

Языкознание. Большой энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. 2-е изд. М.: Бол. рос. энцикл., 1998. 685 с.

Tartt D. The Secret History. London: Penguin Books, 1992. 630 p.

The Oxford Dictionary of allusions / ed. by Andrew Delahunty, Sheila Dignen, and Penny Stock. Oxford; New York: Oxford University Press, 2001. 453 p.

Список литературы

Ананьина М. А. Роль аллюзивного антропонима в реализации когезии и когерентности художественного текста // Англистика XXI века: материалы VII Всерос. межвуз. науч.-метод. конф. СПб.: СПбГУ, 2014. С. 115–116.

Ананьина М. А. Аллюзивный антропоним как имплицит, раскрывающий содержательно-концептуальную информацию в художественном тексте // Филологический аспект. 2018. № 6 (38). С. 55–66.

Белозерова Е. А. Функционирование имен собственных в художественном тексте и дискурсе (на материале современной британской литературы): дис. ... канд. филол. наук. М., 2008. 209 с.

Березович Е. Л. Язык и традиционная культура: Этнолингвистические исследования. М.: Индрик, 2007. 600 с.

Бирюкова О. А. Прагматические аспекты включения онимов в план содержания художественного текста // Казанская наука. 2012. № 10. С. 163–166.

Васильева Н. В. Собственное имя в мире текста. М.: ЛИБРОКОМ, 2009. 224 с.

Голомидова М. В. Искусственная номинация в русской ономастике: монография / Урал. гос. пед. ун-т. Екатеринбург, 1998. 232 с.

Кочнева Н. С. Игровой статус имени собственного в художественном тексте (на материале произведений В. П. Крапивина): дис. ... канд. филол. наук. М., 2022. 494 с.

Макурова С. Р. Аллюзивная антропонимика в аспекте художественной и смысловой выразительности // Социально-гуманитарные знания. 2014. № 11. С. 112–116.

Нестеренко Ю. А. Изучение аллюзивных антропонимов с герменевтической точки зрения // Педагогический журнал. 2023. Т. 13, № 2А-3А. С. 126–133. doi 10.34670/AR.2023.36.58.015

Носкова А. И. Этимология и текстовые функции имени собственного (на материале английского языка): дис. ... канд. филол. наук. М., 2020. 199 с.

Пак С. М. Ономастикон как объект филологического исследования (на материале американского дискурса XIX–XX вв.): дис. ... д-ра филол. наук. М., 2005. 366 с.

Постникова О. А. Антропонимическая символика в англоязычной культуре: дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2009. 219 с.

Ражина В. А. Ономастические реалии: лингвокультурологический и прагматический аспекты: дис. ... канд. филол. наук. Ростов н/Д, 2007. 156 с.

Рубцова Е. Ю. Прагматическое содержание антропонимов (на материале русского и английского языков): дис. ... канд. филол. наук. Ростов н/Д, 2006. 151 с.

Руденко Д. И. Имя в парадигмах «философии языка». Х.: Основа, 1990. 299 с.

Стешенко М. А. Когнитивные модели представления антропонимических концептов в Библии и в русской поэзии XVIII–XX веков: дис. ... канд. филол. наук. Калининград, 2020. 177 с.

Фомин А. А. Прецедентные онимы в художественном тексте // Ономастика и диалектная лексика: сб. науч. тр. / под ред. М. Э. Рут. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2003. Вып. 4. С. 139–148.

Хаззагеров Г. Г. Персоносфера русской культуры // Новый мир. 2002. № 1. С. 185–198.

Шебалов Р. Ю. Ономастическая игра в художественном тексте: на материале ранних рассказов А.П. Чехова: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2004. 24 с.

Brewer's Concise Dictionary of Phrase and Fable / ed. by B. Kirkpatrick. L.: Cassel & Co, 2000. 1118 p.

Gardiner A. H. The theory of proper names: a controversial essay. L.: Oxford University Press, 1954. 78 p.

Hitsch E.D. Cultural Literacy. Boston, 1987. 32 p.

Lamping D. Der Name in der Erzählung. Zur Poetik des Personennamens. Bonn: Bouvier, 1983. 135 p.

Mill J. St. Theory of meaning. Prentis-Hall, 1970. 211 p.

References

Anan'ina M. A. Rol' allyuzivnogo antroponima v realizatsii kogeizii i kogerentnosti khudozhestvennogo teksta [The role of allusive anthroponyms in the realization of cohesion and coherence of a literary text]. *Anglistika XXI veka. Materialy VII Vserossiyskoy mezhvuzovskoy nauchno-metodicheskoy konferentsii* [Anglistics of the 21th Century: Proceedings of the VII All-Russian Interuniversity Scientific and Methodological Conference]. St. Petersburg, St. Petersburg University Press, 2014, pp. 115-116. (In Russ.)

Anan'ina M. A. Allyuzivnyy antroponim kak implikat, raskryvayushchiy sodержatel'no-kontseptual'nyuyu informatsiyu v khudozhestvennom tekste [Allusive anthroponym as an implicate revealing content-conceptual information in a literary text]. *Filologicheskii aspekt* [Philological Aspect], 2018, issue 6 (38), pp. 55-66. (In Russ.)

Belozeroва E. A. *Funktsionirovaniye imen sobstvennykh v khudozhestvennom tekste i diskurse (na materiale sovremennoy britanskoy literatury)*. Diss. kand. filol. nauk [Functioning of proper names in a literary text and discourse (based on the material of modern British literature). Cand. philol. sci. diss.]. Moscow, 2008. 209 p. (In Russ.)

Berezovich E. L. *Yazyk i traditsionnaya kul'tura: Etnolingvisticheskie issledovaniya* [Language and Traditional Culture: Ethnolinguistic Studies]. Moscow, Indrik Publ., 2007. 600 p. (In Russ.)

Biryukova O. A. Pragmaticheskie aspekty vkl'yucheniya onimov v plan sodержaniya khudozhestvennogo teksta [Pragmatic aspects of inclusion of onyms in the content plan of a fiction text]. *Kazanskaya nauka* [Kazan Science], 2012, issue 10, pp. 163-166. (In Russ.)

Vasil'eva N. V. *Sobstvennoe imya v mire teksta* [A Proper Name in the World of Text]. Moscow, LIBROKOM Publ., 2009. 224 p. (In Russ.)

Golomidova M. V. *Iskusstvennaya nominatsiya v russkoy onomastike* [Artificial Nomination in Russian Onomastics]. Yekaterinburg, Ural State Pedagogical University Press, 1998. 232 p. (In Russ.)

Kochneva N. S. *Igrovoy status imeni sobstvennogo v khudozhestvennom tekste (na materiale proizvedeniy V. P. Krapivina)*. Diss. kand. filol. nauk [The language-game status of the proper name in a literary text (based on the material of V. P. Krapivin's works). Cand. philol. sci. diss.]. Moscow, 2022. 494 p. (In Russ.)

Makerova S. R. *Allyuzivnaya antroponimika v aspekte khudozhestvennoy i smyslovoy vyrazitel'nosti* [Allusive anthroponymy in the aspect of artistic and semantic expressiveness]. *Sotsial'no-gumanitarnye znaniya* [The Social and Humanitarian Knowledge], 2014, issue 11, pp. 112-116. (In Russ.)

Nesterenko Yu. A. *Izuchenie allyuzivnykh antroponimov s germeneyticheskoy tochki zreniya* [The study of allusive anthroponyms from a hermeneutical point of view]. *Pedagogicheskii zhurnal* [Pedagogical Journal], 2023, vol. 13, issues 2A-3A, pp. 126-133. (In Russ.)

Noskova A. I. *Etimologiya i tekstovye funktsii imeni sobstvennogo (na materiale angliyskogo yazyka)*. Diss. kand. filol. nauk [Etymology and textual functions of the proper name (based on the material of the English language). Cand. philol. sci. diss.]. Moscow, 2020. 199 p. (In Russ.)

Pak S. M. *Onomastikon kak ob'ekt filologicheskogo issledovaniya (na materiale amerikanskogo diskursa XIX-XX vv.)*. Diss. dokt. filol. nauk [Onomasticon as an object of philological research (based on the material of American discourse of the 19th – 20th centuries). Dr. philol. sci. diss.]. Moscow, 2005. 366 p. (In Russ.)

Postnikova O. A. *Antroponimicheskaya simbolika v angloyazychnoy kul'ture*. Diss. kand. filol. nauk [Anthroponymic symbolism in English-speaking culture. Cand. philol. sci. diss.]. St. Petersburg, 2009. 219 p. (In Russ.)

Razhina V. A. *Onomasticheskie realii: lingvo-kul'turologicheskii i pragmaticheskii aspekty*. Diss. kand. filol. nauk [Onomastic realia: Linguocultural and pragmatic aspects. Cand. philol. sci. diss.]. Rostov-on-Don, 2007. 156 p. (In Russ.)

Rubtsova E. Yu. *Pragmaticheskoe sodержanie antroponimov (na materiale russkogo i angliyskogo yazykov)*. Diss. kand. filol. nauk [Pragmatic content of anthroponyms (based on the material of Russian and English languages). Cand. philol. sci. diss.]. Rostov-on-Don, 2006. 151 p. (In Russ.)

Rudenko D. I. *Imya v paradigmakh 'filosofii yazyka'* [The name in the paradigms of the 'philosophy of language']. Kharkiv, Osnova Publ., 1990. 299 p. (In Russ.)

Steshenko M. A. *Kognitivnye modeli predstavleniya antroponimicheskikh kontseptov v Biblii i v russkoy poezii XVIII-XX vekov*. Diss. kand. filol. nauk [Cognitive models of representation of anthroponymic concepts in the Bible and in Russian poetry of the 18th – 20th centuries. Cand. philol. sci. diss.]. Kaliningrad, 2020. 177 p. (In Russ.)

Fomin A. A. *Precedent onyms v khudozhestvennom tekste* [Precedent onyms in a literary text]. *Onomastika i dialektnaya leksika* [Onomastics and Dialect Vocabulary]. Ed. by M. E. Rut. Yekaterinburg, Ural Federal University Press, 2003, issue 4, pp. 139-148. (In Russ.)

Khazagerov G. G. *Personosfera russkoy kul'tury* [Personosphere of Russian culture]. *Novyy mir* [The New World], 2002, issue 1, pp. 185-198. (In Russ.)

Shebalov R. Yu. *Onomasticheskaya igra v khudozhestvennom tekste: Na materiale rannikh rasskazov*

A. P. Chekhova. Avtoreferat diss. kand. filol. nauk [An onomastic game in a fiction text: Based on the material of A. P. Chekhov's early stories. Abstract of cand. philol. sci. diss.]. Yekaterinburg, 2004. 24 p. (In Russ.)

Brewer's Concise Dictionary of Phrase and Fable. Ed. by B. Kirkpatrick. L., Cassel & Co, 2000. 1118 p. (In Eng.)

Gardiner A. H. *The Theory of Proper Names: A Controversial Essay*. L., Oxford University Press, 1954. 78 p. (In Eng.)

Hirsch E. D. *Cultural Literacy*. Boston, 1987. 32 p. (In Eng.)

Lamping D. *Der Name in der Erzählung. Zur Poetik des Personennamens* [The Name in the Narrative. The Poetics of the Personal Name]. Bonn, Bouvier, 1983. 135 p. (In Ger.)

Mill J. St. *Theory of Meaning*. Prentis-Hall, 1970. 211 p. (In Eng.)

Functioning of Allusive Anthroponyms in a Fiction Text: The Pragmatic Aspect

Marina A. Ananyina

Associate Professor in the Department of Germanic Philology

Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin

51, Lenina st., Yekaterinburg, 620000, Russia. AnaninaMA@yandex.ru

SPIN-code: 8172-6078

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6233-5311>

Submitted 04 Mar 2024

Revised 15 May 2024

Accepted 02 Sep 2024

For citation

Ananyina M. A. Pragmatischeskiy aspekt funktsionirovaniya allyuzivnogo antroponima v khudozhestvennom tekste [Functioning of Allusive Anthroponyms in a Fiction Text: The Pragmatic Aspect]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2024, vol. 16, issue 4, pp. 5–16. doi 10.17072/2073-6681-2024-4-5-16. EDN ZHBSBE (In Russ.)

Abstract. The article is devoted to the study of the pragmatic aspect of the functioning of allusive anthroponyms in a literary text using the example of the novel by D. Tartt *The Secret History* (1992). The aim of the work is to analyze the pragmatic potential of allusive anthroponyms, which lies in the performance of a number of functions by these linguistic units in the studied fiction text and in the expressive impact on the addressee of the text.

An allusive anthroponym is understood as a unit possessing associative and connotative semantics. The article reviews the main trends in the analysis of the semantics of anthroponyms, the author comes to the conclusion about the multidimensional nature of these linguistic signs, which have a rich cultural and historical potential, participate in the organization of the compositional and thematic structure of the text, in the creation of expressiveness of the narrative, in the description of the characters, and perform a number of other important functions. The structure of the meaning of this unit has denotative, significative, and pragmatic features. Pragmatic senses contribute to the realization of the pragmatic potential of the name in connection with the impact of the narrative situation on the addressee of the text.

The analysis of the functions of allusive anthroponyms in the D. Tartt's novel showed the predominance of the functions of increasing expressiveness, characterization of the character/place of action, and the

function of evaluation. Next in descending order of importance and frequency are the function of semantic unfolding, the function of creating a textual concept, the aesthetic function, the function of creating an illusion of reality, and the function of perspectivation. The performance of a wide range of functions by allusive names indicates the importance of these units in a fiction text, their participation in the realization of the meaning of the text, its interpretation, and the creation of imagery.

Key words: allusive anthroponym; function; pragmatics; fiction text; Donna Tartt; *The Secret History*.